

Социологический институт РАН
Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук

Власть и элиты

Power and elites

Том 6
Выпуск 1

Санкт-Петербург
2019

РОССИЙСКИЕ ВЛАСТНЫЕ ГРУППЫ В (НЕ)ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

А.В. Дука

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.1>

Аннотация. *Дается краткое изложение статей номера журнала и их интерпретация. В представлении автора, одна из центральных проблем, которой в той или иной степени касаются исследователи, — специфичность отечественного политического процесса. Речь идет не об особом историческом пути (хотя это и обсуждается), а о качественной идентификации политики. Другая проблема — процессы деполитизации политического пространства и политических акторов. Немаловажное значение здесь имеют институциональные ограничения профессиональной деятельности региональных депутатов. Существенным представляется фрагментированность профессионального сообщества экономических акторов, трудности представительства их интересов в официальных политических институтах. В не меньшей степени это касается и иных социальных групп, что связано с неразвитостью гражданского общества. Не менее проблематичны сюжеты, касающиеся рекрутирования административной и политической элит, их карьер, а также оппозиции и контрэлит.*

Ключевые слова: *цивилизация, гражданские лидеры, лидерство, властные группы, элита, контрэлита, элитные семьи, оппозиция, рекрутирование, деполитизация, плутократия, карьера, политическое пространство, правительство, Севастополь, главы регионов.*

Шестой том издания «Власть и элиты» выходит в двух выпусках. Постепенно мы переходим к журнальному формату. При этом тематическая направленность сохраняется. Сохраняется и полипарадигмальность, и полидисциплинарность. Но это не означает, что нет ориенти-

ров. Даже субъективные заметки в нашем издании характеризуются научной объективностью. Во всяком случае наши авторы к этому стремятся, даже несмотря на свои политико-идеологические пристрастия. Изучать и свидетельствовать — задача и призвание социального ученого. В этом отношении «Власть и элиты» не только для читателя нынешнего дня.

Полипарадигмальность издания предполагает встречу текстов, имеющих подчас противоположные теоретические основания интерпретации анализируемых явлений. На наших страницах читатель с этим столкнется. Например, не все авторы однозначно понимают «политику» и «политическое». Если для одних российское политическое пространство является само собой разумеющимся делом и фоном для размышлений, то для других оно проблематично. Как утверждают наши коллеги, «в современной России не может сформироваться институционализированное политическое поле, а вместо него сложилась деформированная неполитическая зона власти» [Конституирование 2018: 79]. Один из авторов настоящего выпуска мог бы в ответ сказать, что существует еще и латентная сфера политики [Соловьев, Миллер 2017]. Однако вопросы всё равно остаются. Существуют расхождения и относительно цивилизации, элит и многого другого. Тем не менее в этой письменной научной дискуссии есть место взаимопониманию. Различия нас не разъединяют, а совместное обсуждение проблем объединяет.

Открывает выпуск статья *М.В. Масловского* «Цивилизационный дискурс российской политической элиты в контексте интерпретаций модерности». Автор вводит читателя в мир интерпретаций идейных эволюций российской элиты и состояния российского общества. Кто мы такие, что у нас есть и что у нас происходит — эти вопросы вызывают дискуссии не только в нашем Отечестве, но и среди зарубежных исследователей. Консервативный поворот, наблюдаемый последние полтора десятилетия в России, происходит не только в головах элиты. Консервативные тенденции можно наблюдать в массовом сознании и поведении россиян как на этнокультурной периферии (где можно увидеть одновременно и очевидную социетальную рецессию, обращение к архаичным формам социального взаимодействия), так и в центре страны.

Автор вполне правомерно пишет, что «анализ цивилизационного дискурса российской элиты оказывается недостаточным для раскрытия специфики консервативного идеологического поворота». Безусловно,

это проблема более общая. Здесь, как представляется, существует реакция на кардинальные реформы и на тотальную (охватывающую все стороны общежития) встречу с западным миром. В нашей истории уже были аналогичные идейные повороты и столкновения, и были объяснения. Можно привести в качестве примера реформы Петра I. В.О. Ключевский так описывал реакцию в послепетровское время: «Недовольство реформой Петра и причины: 1) наплыв иноземцев, нашествие сатаны и агтелов его <...>; 2) привычка к подражанию, утрата самобытности национальной; 3) материалистический и насильственный характер реформы» [Ключевский 1989b: 415–416]. Что касается встречи с новым миром, то историк писал: «Заимствуемая цивилизация оставалась у нас без домашних источников питания, не получала самостоятельной обработки, не выходила из тесного общественного круга, имевшего средства выписывать или вывозить из-за границы, и, с одной стороны, поддерживала нашу зависимость от Западной Европы, заставляя нас обновлять заимствуемый культурный запас все новыми и новыми привозами, не делая в него своих вкладов, а с другой — питая духовное бездействие, приучая искать готового без собственного труда, т.е. жить чужим умом. <...> и этим надолго установилось наше неправильное отношение к западноевропейской цивилизации» [Ключевский 1989a: 426–427]. С известными поправками очень похоже на нынешний день в интерпретации некоторых аналитиков и публицистов. Как видим, объяснение посредством межцивилизационных взаимодействий в российской общественной мысли имеет большую историю. Это говорит не только об определенной «современности» авторов прошлого, но и о существенности и длительности проблемы цивилизационного (само)определения. Конечно, не обходится без ностальгии, о чем пишет М.В. Масловский. Но и она — интерпретация прошлого в нынешних условиях.

А.И. Соловьев в своей статье «Гражданские лидеры в политическом пространстве современной России (субъективные заметки)» поднимает важную проблему: насколько новые гражданские лидеры демократической ориентации готовы стать профессиональными политиками, насколько они понимают механизмы современной российской политики. Сложности для понимания и включения в политический процесс (не протестный, а связанный с принятием решений) увеличиваются в связи с неблагоприятным институциональным дизайном и активным противодействием властных групп какому бы то ни было участию

оппозиции в реальном отпращивании власти. Более того, как отмечает Александр Иванович, неформальные структуры, отношения, связи, сети задают правила, которые не всегда ясны, но без понимания которых и без включения в которые политическая активность может стать не только неэффективной, но и маловероятной. А еще утончается средний класс, что подрывает социальную базу демократической оппозиции. Анализ, сделанный автором, может показаться оптимистичным для властей предрежащих — им сейчас новые альтернативные лидеры не угрожают. Но с точки зрения перспектив тех же нынешних элит это не так уж и позитивно. Безальтернативность порождает стагнацию, застой. А.И. Соловьев заканчивает свой текст вопросом, на который сейчас никто не сможет ответить: «Но кому из них удастся настроиться на длительную политико-просветительную работу, сохранив при этом необходимые морально-этические нормы демократических лидеров, не поддавшись на давление властей и искушение коррупционеров?». Наше недавнее политическое прошлое не предполагает позитивного ответа. Еще свежи в памяти бывшие молодые лидеры, ставшие сегодня кто консерватором, кто мракобесом, а кто коррупционером. Но социальное время не стоит на месте. У каждого поколения своя социализация.

В статье Ю.А. Пустовойта «“Контрэлита”: местная власть и ее оппоненты в сибирском мегаполисе» показывается на городском уровне возможности и результаты оппозиции. Текст перекликается с предыдущей статьей. Но выводы не столь пессимистичные. Хотя тезис автора: оппозиция «не обладает признаками контрэлиты» (что означает для него отсутствие возможностей смены повестки дня) — не открывает положительных перспектив. Причем если системная оппозиция обладает ресурсами, но не готова что-то принципиально менять, то несистемная оппозиция ориентирована на изменения политики в городе, у нее новые ценности, но нет ресурсов. Но более важным представляется зафиксированная Юрием Александровичем большая ориентация на уличный протест, чем на переговоры с властью. Непосредственное действие иногда оказывается более эффективным, чем конвенциональные формы политического участия. Однако в данном случае институциональные и организационные ресурсы власти определяют результат противостояния. Еще одно существенное замечание автора статьи: предлагаемые несистемной оппозицией ценности не согласуются с существующим устроением, «плохо вписываются в действующую

повестку дня». Это корреспондирует с сюжетом статьи М.В. Масловского.

Исследование *Д.В. Покатова* направлено на изучение рекрутирования современной российской политической элиты как ротации политической и административно-корпоративной элитных групп. Дмитрий Валерьевич предлагает рассматривать эволюцию политического элитного рекрутинга в рамках трех базовых этапов: первый («формально-свободной циркуляции») охватывает ельцинский период — с 1991 по 2000 г.; второй, «регулируемой ротации» — с 2001 по 2011 г.; третий, названный «корпоративно-персонократической стабилизации», начался в 2011 г. и продолжается до сего времени.

Автор связывает особенности рекрутирования российских элит с цивилизационным типом развития. Здесь он идет вслед С.Г. Кирдиной, увязывая отечественные особенности с восточной цивилизационной матрицей. Существенно, что для этого типа развития характерна «унитарно-централизованная политическая система». Конечно, изменения происходят, тем более наблюдаются серьезные структурные сдвиги, но рамки уже заданы. И они определяют возможные видоизменения. Однако Дмитрий Валерьевич фиксирует сближение с номенклатурными практиками. Действует «колея». И в этой логической схеме автор допускает вольность. Изменение все-таки, по его представлениям, возможно. За счет трансформации «профессионально-личностного потенциала элитных групп», а также развития структур гражданского общества. Здесь надо заметить, что, во-первых, элитные группы не свободны от фундаментального воздействия базовых институтов и структур, во-вторых, гражданское общество также определяется институциональной матрицей (если мы следуем заявленной выше концепции).

Д.Б. Тев сосредоточил свое внимание на карьере членов федерального правительства после того, как они оттуда ушли. Автор дал скромный подзаголовок своей статье: «некоторые характеристики». Характеристик в действительности много, и они дают очень хорошую картину относительно того, кем становятся высшие российские бюрократы. Таких исследований в нашем Отечестве немного. У нас обычно исследуют пространство рекрутирования. Но немаловажный вопрос и о полуправительственных местах — где они и что с ними. С ответом на эти вопросы связана одна из кардинальных проблем бытования элит: насколько они укоренились наверху. То есть сформировалась ли у нас послесоветская элита, насколько она устойчива и каков ареал элитного

обитания, какова степень вертикальной и горизонтальной интеграции. Словом, насколько элиты институционализировались. Денис Борисович обсуждает эти проблемы в более широком контексте — институциональные и структурные характеристики современного российского капиталистического общества. В статье фиксируется, что высшая административная элита сегодня значительно профессионализировалась. Показывается также ее доминирующая роль в отечественной политике. Если сравнивать с постправительственными карьерами администраторов развитых стран, то оказывается, что она в меньшей степени ориентирована на политическую карьеру в парламентах различного уровня. Это, конечно, говорит о значении и значимости наших представительных органов. Центральный вывод исследования — устойчивость членства в элитном сообществе, что косвенно может свидетельствовать о высокой степени институционализации.

В статье А.С. Быстровой анализируется становление региональной исполнительной власти в новом субъекте федерации — городе Севастополе. Прошло пять лет. За это время три главы исполнительной власти ушли в отставку, сейчас у руля четвертый. Сменилось несколько составов правительства. Очевидно, что вхождение в российскую политику идет не просто для граждан нового субъекта федерации, для региональной элиты и для федерального центра. Автор подробно анализирует характеристики высших администраторов Севастополя, их карьерные пути. Складывается впечатление хаотичности в подборе кадров, назначении, целеполагании федеральной власти. Ведь каждое назначение должно что-то означать, не может каждый быть эффективным во всем. Но, наверное, сказывается кадровый голод. Внутри Севастополя он объясним — долгое состояние второстепенного (а в чем-то и чужого) украинского региона. Но для Российской Федерации, которая сделала ставку на фактически внешнее управление и имеет вроде бы достаточное число «эффективных менеджеров», это труднообъяснимо. Однако если обратить внимание на эффективность в других регионах и в управлении различными секторами нашей страны, то понимание возникнет. Ситуация усугубляется продолжающимся взаимным непониманием исполнительной и представительной ветвей власти в регионе. Вывод автора о неустойчивом характере административной элиты региона вполне согласуется с эмпирическим материалом.

А.В. Дука поднимает несколько важных для российской политики и властных групп вопросов. Во-первых, как это ни парадоксально,

деполитизация политической сферы. Исследователи отмечают: «Последние годы мы наблюдали стремительный процесс деполитизации, который развернулся в культуре, СМИ, обществе, захватив, наконец, саму партийную систему и ритуал выборов. Политическое стремительно маргинализуется, уходя на периферию и освобождая место какому-то иному феномену, в отношении которого распространенные политологические категории представляются не вполне нерелевантными» [Куренной 2009: 86]. Тренд к деполитизации части политической жизни (и как процесс, и как интенция властных групп) наметился давно. Здесь, с одной стороны, стремление вынести за рамки политики опасных для власти вопросов. Так, призыв прокурора Крыма избегать политизации Дня памяти жертв депортации — «18 мая памятный день, который должен проводиться спокойно, без политизации и спекуляции» [Поклонская 2016] — связан со сложной обстановкой в регионе и вокруг него. Но сам призыв, конечно, трудновыполним. Само событие политическое и таковым будет долго. Так же как и суждение президента Латвии Валдиса Затлерса, высказанное на конференции «Оккупация, коллаборационизм, сопротивление: история и восприятие истории»: «Политизировать можно лишь события будущего. Было бы очень хорошо, если бы политики занимались именно будущим, а не прошлым» [Президент 2009]. Последний пример демонстрирует неуникальность России. Страх перед политическим связан, по всей видимости, с недостаточной уверенностью в собственном контроле ситуации, непредсказуемости поведения граждан и зарубежных акторов, могущих повлиять на политическую ситуацию, а также с возвышающейся ролью административного начала. В российских регионах мы отчетливо наблюдаем снижение профессионализации и, как следствие, профессионализма представительных органов власти. Депутаты легислатур по факту перестают быть политическими деятелями, хотя остаются публичными персонами.

Во-вторых, происходит частичная политизация региональной экономической элиты, связанная с вхождением персон в политическое поле при сохранении основных позиций и интересов в экономическом. Это одновременно показывает слабость гражданского общества, возможности его структур представлять интересы различных категорий населения (включая бизнес-слои) в публичном пространстве, а также фрагментированность профессионального сообщества.

В-третьих, наблюдается внутрисемейная передача позиций в политико-административных институтах. Складываются элитные семьи,

использующие свой специфический символический и социальный капитал.

В статье *Т.Б. Витковской* «Политическое пространство промышленных городов Урала: крупные предприятия в политике и управлении» освещается важная тема: политическая активность крупных промышленных предприятий в городах. На уровне здравого смысла небольшие и средние промышленные города должны находиться под контролем расположенных в них мощных экономических субъектов. Исследование Татьяны Борисовны показало, что не всё так однозначно. Была проанализирована ситуация в 30 промышленных городах в трех уральских регионах (Свердловской и Челябинской областях и Пермском крае), где расположены 48 промышленных предприятий. Полученные результаты говорят о том, что в промышленных городах Урала существуют три модели политического участия крупных промышленных предприятий в местной политике. Во-первых, активное участие в городской политике, «захват» предприятием органов местного самоуправления. И эта модель реализуется достаточно редко, в отличие от двух других. Во-вторых, умеренная вовлеченность предприятия в городскую политику. В-третьих, отказ от участия в местной политике. Собственники и высший менеджмент предприятий достаточно прагматичны, участие в местном политическом процессе зависит от возможности реализации определенных интересов. Надо также иметь в виду, что существует и структурное влияние, к возможному мнению экономических боссов могут прислушиваться, даже если они ничего прямо не говорят.

Важный аспект затрагивают *В.Г. Ледяев* и *А.Е. Чирикова*, сравнивая властные отношения в Шуе и Кинешме, — длительность и укорененность исполнительной власти является существенным (но не единственным) фактором, влияющим на ее способность подчинять представительную власть. Устойчивость властных персон во властных структурах при прочих условиях задает основания для истеблишмента (establishment). Это английское понятие достаточно точно выражает данный аспект бытования и функционирования элит. Сильное лидерство, наряду с институциональными, структурными и культурными основаниями, задает фундамент властных элит на всех уровнях, одновременно выступая аналитическим каркасом для исследователей. Поскольку исследование проводилось в два этапа (в 2013–2015 и 2018–2019 гг.), можно было сравнить полученные результаты. Важным является зафиксированная исследователями изменчивость конфигурации властных

групп, их возможностей и активности. Исследование демонстрирует, что персональные качества очень важны, однако контекст и внешние ресурсы могут играть исключительную роль.

Читатель заметит, что все статьи оказываются внутренне связанными, хотя авторы по-своему анализируют и описывают российскую политическую реальность и деятельность властных групп. Конечно, мои комментарии могут задать акцент, который авторы не имели в виду, и связь, которую они не подразумевали. Думаю, что по мере чтения этого выпуска и читатели не удержатся от собственного прочтения и комментариев.

Литература

Ключевский В.О. Древняя и новая Россия // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1989а. Т. 7. Специальные курсы (продолжение). С. 419–428.

Ключевский В.О. Опыт новой истории // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1989б. Т. 7. Специальные курсы (продолжение). С. 412–419.

Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы / отв. ред. С. В. Патрушев, Л. Е. Филиппова. М.: РОССПЭН, 2018.

Куренной В.А. Государство как механизм деполитизации // Государство: научные тетради Института Восточной Европы. М., 2009. № 3. С. 86–101.

Соловьев А.И., Миллер Т.В. Латентная сфера политики: версия теоретической идентификации // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 63. С. 212–232. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2017/vipusk_63_avgust_2017_g/pravovie_i_politicheskie_aspekti_upravlenija/solovyov_miller.pdf (дата обращения: 12.11.2019).

Источники

Поклонская: не надо политизировать День памяти жертв депортации // РИА «Новости». 17.05.2016. URL: <https://ria.ru/20160517/1435256897.html> (дата обращения: 10.11.2019).

Президент: не надо политизировать историю // Новостной портал DELFI (Латвия). 27.10.2009. URL: <https://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/prezident-ne-nado-politizirovat-istoriyu.d?id=27650467> (дата обращения 11.11.2019).

RUSSIAN POWER GROUPS IN THE (NON)POLITICAL SPACE. INSTEAD OF A FOREWORD

A. Duka

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.1>

Abstract. *The text provides a summary of articles of the journal issue and their interpretation. In the author's view, one of the central problems that researchers are concerned to one degree or another is the specificity of the domestic political process. This is not about a special historical path (although this is being discussed), but about a qualitative identification of Russian politics. Another problem is the processes of depoliticization of political space and political actors. Moreover, institutional restrictions on the professional activities of regional deputies are of no small importance. Significant in this context is the fragmentation of the professional community of economic actors, the difficulties of representing their interests in official political institutions. This applies equally to other social groups, which is due to the underdevelopment of civil society. No less problematic are the stories associated with the recruitment of administrative and political elites, their careers, as well as opposition and counter-elites.*

Keywords: *civilization, civil leaders, leadership, power groups, elite, counter-elite, elite families, opposition, recruitment, depoliticization, plutocracy, career, political space, government, Sevastopol, heads of regions.*

References

- Klyuchevskiy V.O. Drevnyaya i novaya Rossiya [Ancient and new Russia]. In: Klyuchevskiy V.O. *Collected Works* in 9 vols. Moscow: Mysl', 1989a, vol. 7, pp. 419–428. (In Russian)
- Klyuchevskiy V.O. Opyt novoy istorii [Essay on new history]. In: Klyuchevskiy V.O. *Collected Works* in 9 vols. Moscow: Mysl', 1989b, vol. 7, pp. 412–419. (In Russian)
- Konstituirovaniye sovremennoy politiki v Rossii: institutsional'nyye problem* [Institutionalization of modern politics in Russia: institutional problems]. Ed. by S. V. Patrushev, L. Ye. Filippova. Moscow: ROSSPEN, 2018. (In Russian)
- Kurennoy V.A. Gosudarstvo kak mekhanizm depolitizatsii [The state as a mechanism of depoliticization], *Gosudarstvo: Nauchnyye tetradi Instituta Vostochnoy Yevropy* [State: Scientific notebooks of the Institute of Eastern Europe], 2009, no. 3, pp. 86–101. (In Russian)
- Solovyov A.I., Miller T.V. Latentnaya sfera politiki: versiya teoreticheskoy identifikatsii [Latent Policy Area: An Attempt at Theoretical Identification], *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik* [Public administration. E-Journal], 2017, 63, pp. 212–232. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2017/vipusk__63._avgust_2017_g./pravovie_i_politicheskie_aspekti_upravlenija/solovyov_miller.pdf (accessed: 12.11.2019). (In Russian)